

УДК 81.161.1'42:82-32Чехов

DOI 10.37972/chgpu.2026.131.2.016

А. И. Трубкина

ИМПЛИКАТУРЫ ЭМОТИВНОГО КОДА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье выявляются коммуникативно-прагматические особенности имплицатур эмотивного кода художественного текста. Материалом для исследования выступает текст рассказа А. П. Чехова «Студент», содержащий репрезентативное количество микро- и макроконтекстов для рассмотрения лингвистических механизмов продуцирования имплицитных смыслов в художественном текстово-дискурсивном пространстве. Ведущими методами, примененными к материалу исследования комплексно, стали коммуникативно-прагматический анализ, компонентный и дистрибутивный анализы, филологическая интерпретация. В ходе исследования доказано, что художественное текстово-дискурсивное пространство, в которое включен читатель в своей рецептивно-интерпретативной деятельности, всегда характеризуется эмотивностью, а у Чехова она имплицитна для создания иллюзии, реально переживаемой вместе с персонажами эмоции, т. к. детальное ее описание не способно создать необходимый коммуникативно-прагматический эффект. Эмотивный код произведения «Студент» реализуется в результате репрезентации сопереживания персонажей евангельским событиям, о которых рассказывает главный герой, и, как следствие, в эмоциональном отклике героя на реакцию его слушательниц. Имплицатуры собственных чувств персонажа декодируются через вербальные маркеры его мыслительной деятельности, воспоминаний и физического состояния. Установлено, что эмоциональные реакции, получаемые в процессе общения с другим сознанием, актуализируют в тексте чеховского рассказа основную идею, прагматически ориентированную на эмоциональное воздействие на читателя: пробуждение к новой жизни, обретение верного пути возможно только в осознании вечных смыслов, что манифестировано в имплицатурах эмотивного кода, трансформирующегося из негативного в позитивный.

Ключевые слова: *эмотивность, эмотивный код, имплицитность, имплицатура, прагматика, интенциональность, А. П. Чехов*

A. I. Trubkina

EMOTIVE CODE IMPLICATURES IN A.P. CHEKHOV'S STORY "THE STUDENT": COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECTS

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. This article examines the communicative-pragmatic features of implicatures within the emotive code of a literary text. The research material is A.P. Chekhov's short story "The Student", which contains a representative number of micro- and macro-contexts for examining the linguistic mechanisms of producing implicit meanings in the literary textual-discursive space. The leading methods applied to the research material in a comprehensive manner include communicative-pragmatic analysis, componential and distributional analysis, and philological interpretation. The study demonstrated that the literary textual-discursive space, in which the reader is included in their receptive-interpretive activity, is always characterized by emotiveness. In Chekhov's short story, emotiveness is implicit to create the illusion of a truly experienced emotion along with the characters, as a detailed description of the emotion is incapable of creating the necessary communicative-pragmatic effect. The emotive code of the story "The Student" is realized through the representation of the characters' empathy for the Gospel events recounted by the protagonist and, consequently, in the protagonist's emotional response to the reactions of his listeners. Implicatures of the protagonist's own feelings are decoded through verbal markers of his mental activity, memories,

and physical state. It has been established that the emotional reactions elicited during communication with another consciousness actualize the main idea in the text of Chekhov's story, pragmatically oriented toward an emotional impact on the reader: awakening to a new life and finding the right path are possible only through the recognition of eternal meanings, which are manifested in the implicatures of the emotive code, which transform from negative to positive.

Keywords: *emotiveness, emotive code, implicitness, implicature, pragmatics, intentionality, A. P. Chekhov.*

Введение. Современная лингвистика постепенно приобретает характеристики интегральной науки, характеризующейся междисциплинарностью. Ее стремление изучить все, что может быть обозначено как бытие языковой личности [15], позволяет рассматривать язык не только как средство коммуникации и инструмент познания мира, но и как одно из условий, определяющее развитие социума и человека в нем [23].

В современной лингвистике растет интерес к имплицитности художественного текста, которая закономерно увеличивает потенциальное количество интерпретаций текстовых смыслов, создавая тем самым необходимые для функционирования художественного текста вневременные координаты. Нельзя не согласиться с Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчей, рассматривающими «имплицитность, имплицитные смыслы как неотъемлемую черту художественного текста, которая способствует созданию его глубины и многозначности, открывает возможности различных интерпретаций, которые могут варьироваться в зависимости от тезауруса и воображения читателей» [13, с. 130].

Художественный текст актуализирует, в сущности, парадоксальную ситуацию: не только цель текста и его темы, но и коммуникативные цели автора и способы его прагматического воздействия на читателя не осознаются рационально, а являются подсознательно и эмоционально воспринимаемыми. Ясно, что чем более значительными эстетическими достоинствами обладает текст, тем более неосознаваемыми будут эти компоненты, поскольку главной целью эстетической коммуникации является не логическая аргументация, а эмоциональное воздействие на реципиента эстетического высказывания, его сопереживание героям, участвующим в развитии событийности текста, а значит, и включенность читателя в эстетическую коммуникацию, результатом которой является создание художественного тексто-дискурсивного пространства.

Изучение вербализации эмоциональных проявлений языковой личности в дискурсе и тексте обусловило возникновение лингвистики эмоций [20], изначально ориентированной на исследование реализации эмотивности как функционально-семантической и коммуникативно-прагматической категории именно в художественном тексте. Не только внутренний мир персонажей, но и их поступки, пространство и время, в которых происходит действие, эмотивны, и вне анализа проявления эмотивности невозможно выявление авторской интенциональности. Текстовая эмотивность адекватно описывается посредством эмотивного кода, который, вслед за Н. С. Болотновой, трактуется современной эмотиологией как система «сигналов эмотивности текста, отражающих общий пафос произведения, его прагматический заряд и эмоциональное отношение автора к описываемым реалиям художественного мира» [2, с. 134–138]. С позиций параметризации эмотивности, эмотивных смыслов, эмотивного кода художественного текста современные исследователи рассматривают не только авторскую модальность [18] и оценочность [7], но и образность художественного текста [16].

В настоящее время эмотивность активно анализируется и на ином материале: в научном дискурсе [12], в эмоционально окрашенных текстах социально значимой тематики [1]. Расширяется аспектуализация эмотивности: исследователи рассматривают ее в рамках лексикографии ([9], [17]), гендерной лингвистики [11]. Перспективным является также изучение эмотивных единиц с позиций выявления маркеров метафоризации в их реализации в системе языка [3].

Целью работы является параметризация разноуровневых средств, с помощью которых реализуется коммуникативно-прагматический потенциал имплицатур эмотивного кода художественного текста, что, в сущности, обуславливает диалогическое взаимодействие автора и читателя и продуцирует комплексы онтологически значимых смыслов. Заявленный вектор исследования позволяет обосновать необходимость изучения эмотивности не только на основании экспликации номинаций эмоций и чувств, но и посредством лингвистических механизмов, направленных на усиление эмоционального воздействия на читателя с тем, чтобы комплексы текстовых смыслов поливариативно интерпретировались им, но, в конечном счете, такая рецептивно-интерпретативная деятельность была адекватна авторскому замыслу.

Актуальность исследуемой проблемы. Аксиомой современной лингвистики является утверждение о линейном характере языкового знака. При этом сознание человека нелинейно, о чем рассуждает Л. С. Выготский, сравнивая мысль с облаком, проливающимся дождем слов [4]. Нелинейная структура сознания, воплощаясь в языке, закономерно оставляет за пределами высказывания некоторую часть информации, которая важна в конкретной коммуникативной ситуации. Ясно, что говорящий не обобщает в своей речи и не приводит в ней все пресуппозиции, которые предшествуют вербализации мысли. Очевидно, что лишь какая-то часть когнитивных структур оказывается эксплицированной, в то время как остальные компоненты таких структур имплицитны в составе интегрированных смыслов, не имея лингвистического выражения. Современная лингвистика трактует имплицитные смыслы как облигаторную характеристику «содержательно осложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [6, с. 5].

Результаты трансформации нелинейного сознания в линейные языковые структуры используются продуцентом дискурса в прагматических целях: тогда за пределы высказывания может быть вынесена не только та информация, которая является побочной для данного коммуникативного акта, но и основная смысловая часть, что в определенной степени выступает интеллектуальной провокацией для реципиента. Такие смыслы становятся имплицитными, и в их отношении правомерна делимитация, проводимая М. В. Никитиным на основании критерия манипулятивности со стороны говорящего: имплицитность произвольная и намеренная / подтекст [15]. Это различие оказывается доказательным даже в случае рассмотрения имплицитности как одного из эффективных средств экономии в языке, когда имплицитность трактуется как недоговариваемое, а не как невыраженное.

Имплицитность всегда сопряжена в своих характеристиках со смыслом и значением [14]. Правомерно мнение В. А. Звегинцева о необходимости различения языка в его функционировании и языка в его состоянии, что также обуславливает семантический потенциал языковых единиц, определяемый целеполаганием смысла: «В деятельности общения смысловое содержание всегда представляет собой результат творческого мыслительного усилия, т. к. формируется в неповторяющихся ситуациях, воплощая в себе соотношение данной ситуации с внутренней моделью мира, хранящейся в сознании человека» [10, с. 97].

Безусловно, имплицитность является информационной текстовой категорией так же, как когезия и когерентность. Рецептивно-интерпретативная деятельность, направленная на истолкование смыслов текста, сопряжена с выявлением и декодированием имплицатур. Природа имплицитности напрямую связана с закономерностями когнитивной деятельности языковой личности, что обуславливает определенные установки в выборе материала исследования эмотивного кода и реализующих его имплицатур. Представляется, что имплицитность может быть непротиворечиво описана именно на материале художественного текста, т. к. семантическое пространство художественного текста актуализирует различные ресурсы памяти и сознания, пропозиции и макропропозиции с целью реализации

прагматических установок автора. Актуальность изучения прагматики импликатур эмотивного кода, актуализированных в текстовом пространстве, определяется антропоцентризмом современной лингвистики, ее стремлением описать «человека в языке», обосновать эмоциональную природу когнитивной деятельности личности, многообразно воплощаемой на различных языковых уровнях, а также эмоциональную направленность эстетической коммуникации автора и читателя.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования выступает текст рассказа А. П. Чехова «Студент» (1894) [19], что обусловлено объективным разнообразием в нем микро- и макроконтестов, характеризующихся эмотивностью, при этом лаконичность текстового объема закономерно определяет функционирование имплицитных смыслов, образующих импликатуры эмотивного кода. Методы исследования применялись к материалу комплексно. Ведущими методами выступили коммуникативно-прагматический анализ, компонентный и дистрибутивный анализы, филологическая интерпретация.

Результаты исследования и их обсуждение. Как указывают Т. А. ван Дейк и В. Кинч, осознание смыслов воспринимаемой информации по своей сути нерационально, т. к. «стратегия, которую нужно использовать сознательно и которая требует особых усилий, имеет ограниченное применение, поскольку во многих реальных ситуациях для применения такой стратегии в наличии имеются лишь ограниченные ресурсы. С другой стороны, хорошо отработанные, полностью автоматизированные стратегии могут работать параллельно, не перегружая систему» [5, с. 175]. Кроме того, «ряд идей может находиться на границе сознания; подобные идеи непосредственно доступны сознанию, но, как правило, не осознаются <...> то же относится к целям, а также к топику и основным темам самого текста <...> в сознании они отсутствуют, хотя и влияют активно на способ понимания дискурса и в любой момент могут быть помещены в фокус внимания» [5, с. 193].

Представляется основополагающим различие, которое проводит между терминами *подтекст* и *имплицитность* Е. В. Ермакова: «Несмотря на родство подтекста и имплицитности как важнейших смысловых категорий, между ними существуют очевидные различия. Большинство исследователей признается интенциональность авторского подтекста (имплицитность же, как показывает наше исследование, имеет отношение не столько к авторским интенциям, сколько к общим механизмам восприятия сообщения). У термина «подтекст» имеется “обыденное” значение; он часто используется в применении к бытовому диалогу, к речи, означая тайный, не всем доступный смысл (имплицитность имеет только терминологическое значение, связанное со знаковой и психической стороной речи); под подтекстом чаще всего понимается выводной смысл (имплицитность является важной основой для выводного смысла, но не самим выводным смыслом)» [8, с. 3–4].

Пропозиции и макропропозиции текста координируют цель и его основные темы в параметрах тех ключевых элементов, которые фокусируют внимание читателя на наиболее важной текстовой информации. Репрезентация таких элементов обусловливается необходимостью формирования вектора рецептивно-интерпретативной деятельности читателя в декодировании имплицитированных смыслов. Пропозиции организуются в тексте в макропропозиции – такие смысловые единства, которые структурно представляют авторский замысел [22, р. 169].

Для художественного текста характерна реализация специфических пропозиций и макропропозиций, отличных от составляющих основу высказывания логических пропозиций. Специфика пропозициональной структуры текста состоит в том, что она включает импликатуры, эмоциональные по своей природе ввиду направленности ситуаций, на провоцирование у читателя «ментальной симуляции», которая создает иллюзию реально переживаемой эмоции [24]. Как указывает Л. В. Барсалау, в этой ментальной симуляции участвуют модальные «перцептуальные символы», основанные на аналогии, а не условные амодальные символы [21].

Эмоциональная природа имплицитности вполне очевидна, т. к. все, что включено в сферу когнитивной и рецептивно-интерпретативной деятельности языковой личности,

сопряжено с эмоциональным отношением к объекту и предмету познания. В этой связи особое значение при рассмотрении имплицитности художественного текста приобретает его эмотивный код, под которым мы понимаем всю совокупность лингвистических механизмов, реализующих эмотивность в тексте, и в этом случае закономерен синтез прагматического и информативно-смыслового уровней художественного текста. Динамика реализации эмотивного кода в произведении позволяет реализовать авторский замысел, отражающий отношение писателя к миру и к своим героям.

Так, в тексте рассказа А. П. Чехова «Студент» имплицитур эмотивного кода реализованы с помощью композиционных и изобразительно-выразительных средств, наиболее значимо репрезентируемых в описаниях пейзажа, например: «Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатило и весело. Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой» [19, с. 306]. В приведенном фрагменте имплицитур эмотивного кода изначально направлены на реализацию чувства тревоги, неприкаянности, хотя первые предложения в этом макроконтексте характеризуются позитивными коннотациями, фиксируемые в лексемах и лексических сочетаниях *погода хорошая, погода тихая, прозвучал в весеннем воздухе, прозвучал раскатило и весело*. Отметим, однако, что и в этом пейзажном описании имплицитно закладывается эмотивный фон, который будет актуализирован впоследствии в тексте рассказа: пропозиция, обуславливающая нарастание негативной коннотации эмотивного кода, первоначально манифестирована в высказывании *что-то живое жалобно гудело*, при этом сравнение *точно дуло в пустую бутылку* облигаторно создает у любого читателя аудиальный образ печального, тягостного для души звука. Погода резко меняется, и в повествовании все более нарастает влияние имплицатур, передающих общее состояние героя, что в чеховском тексте репрезентировано посредством макропропозиций, отражающих авторский замысел: такие макропропозиции включают композиционное противопоставление двух частей приведенного фрагмента посредством союза *но*, а также использование во второй части макроконтекста лексем и лексических сочетаний, транслирующих мрачное настроение героя через пейзажное описание (*холодный пронизывающий ветер, стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо*), при этом значимым средством транслирования эмотивного кода выступает метафоризация (*по лужам протянулись ледяные иглы*).

Представляется, что в описаниях пейзажа имплицитно присутствует точка зрения героя, студента духовной семинарии Ивана Великопольского: это именно его восприятие мира, о чем свидетельствуют оценочные по своему характеру определения *пустынно и особенно мрачно*; читатель видит огонь на вдовьих огородах и остающуюся в темноте деревню именно с позиций персонажа: «Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно. Только на вдовьих огородах около реки светился огонь; далеко же кругом и там, где была деревня, версты за четыре, всё сплошь утопало в холодной вечерней мгле» [19, с. 306]. Необходимо особо подчеркнуть, что мотивы и впечатления главного героя эксплицированы в макроконтексте: «Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел всё время заливным лугом по тропинке. У него заоченели пальцы, и разгорелось от ветра лицо. Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо» [19, с. 306]. Однако и в случае такой экспликации читатель воспринимает все же неполную картину состояния внутреннего мира Ивана Великопольского. Из текстового фрагмента становится ясно, что студент винит в своей неприкаянности конкретную событийную ситуацию: он охотился на вальдшнепов, промок, пока шел по тропинке через заливной луг, замерз, вербальными маркерами чего являют следующие лексические

сочетания: *закоченели пальцы, разгорелось от ветра лицо*. Тем не менее вовсе не физические реакции персонажа являются основанием формирования эмотивного кода в этом случае, ведь *«наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие»*, а значит, такой холод не только создает дискомфорт физический, но и нарушает мировую гармонию. Поэтому и ночь для героя наступает неожиданно, что маркировано высказыванием (*вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо*), акцентирующим негативные эмоции героя.

Имплицитные эмотивного кода ориентируют читателя на восприятие прецедентной ситуации, поскольку действие рассказа происходит в страстную пятницу, и общее гнетущее ощущение мира вполне оправданно, т. к. постепенно темпоральные границы «размыкаются» и устанавливается тесная связь всего происходящего в мире. Имплицитные эмотивного кода в данном случае предположительно должны быть реализованы при опоре на фоновые знания читателя. Так, первоначально Иван Великопольский вспоминает, что «когда он уходил из дому, его мать, сидя в сенях на полу, босая, чистила самовар, а отец лежал на печи и кашлял; по случаю страстной пятницы дома ничего не варили, и мучительно хотелось есть» [19, с. 306]. Однако эмоциональное состояние героя, по всей видимости, все же не обуславливают внешние причины (резко начавшееся ненастье, голод по случаю строжайшего поста в последние дни Страстной недели). Имплицитные смыслы должны быть выявлены и декодированы в ином направлении: студент не видит смысла жизни и, по всей видимости, размышляет о неверно выбранном поприще (он будущий священнослужитель). Отметим в этой связи, что и евангельская история, которую он рассказывает у костра вдовам Василисе и Лукерье, матери и дочери, возникает как бы случайно для самого героя, однако имплицитные эмотивного кода свидетельствуют об обратном: все в окружающем мире подготавливало студента к рассказыванию именно этой истории, трехкратного предательства Симоном (Петром) своего любимого учителя, Иисуса. Не потому ли это так, что сам Иван Великопольский готов предать свое предназначение, отступить от избранной изначально цели?

Безусловно, эмотивность, которая определяет эмоциональный фон художественного текста по окончании евангельской истории, рассказанной героем, передает чувство неизбежной тоски, от которой Иван пока еще не избавился: «И опять наступили потемки, и стали зябнуть руки. Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха. Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё, происшедшее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...» [19, с. 308]. Однако, когда он начинает думать о других, о своих слушателях, эмотивность становится более насыщенной, прежде всего, за счет прямых номинаций эмоциональных реакций, ведь Василиса, пока слушала его, заплакала. Вот это чувство сопереживания и составляет коммуникативно-прагматический фундамент имплицитных эмотивного кода чеховского рассказа. Иван Великопольский совсем ничего не сообщает о собственных чувствах, и в тексте есть маркеры исключительно его физического состояния (он испытывает голод и холод), а также его мыслительной деятельности (думал, вспомнил). Возрождение героя для эмоциональной жизни, для духовности начинается в тот момент, когда он начинает общаться с другими людьми, пусть пока только номинально участвующими в предполагаемом диалоге: вдовы только слушают монолог Великопольского. Негативные коннотации эмотивного кода чеховского рассказа трансформируются в финале на позитивные, при этом эмотивный код все же имплицитен, а эмотивные смыслы подлежат читательскому декодированию: «А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светила холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо

сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [19, с. 309].

Импликатуры эмотивного кода чеховского рассказа ориентированы на объективацию идеи «разомкнутости» исторического времени в вечность, и только благодаря осознанию этой возможности, которую дает герою воспоминание о событиях Страстной недели, студент выходит из состояния духовного кризиса, обретает чувство таинственного счастья и смысл жизни.

Результаты проведенного исследования могут применяться в преподавании вузовских дисциплин гуманитарного цикла, прежде всего, курсов по теории языка, лингвистике, прагматике, лингвистике, по проблематике изучения текста и дискурса, по вопросам филологического и лингвистического анализа текста. Перспективы исследования заключаются в возможности изучения имплицитности и импликаций, а также эмотивности и эмотивного кода в коррелятивных связях с авторским идиостилем, жанром и литературным направлением. Актуальным направлением исследований в заявленном в статье ключе может стать выявление лингвистических механизмов, направленных на вовлечение читателя в процесс сопереживания персонажам и событиям художественного текста.

Выводы. Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. В тексте чеховского рассказа «Студент» реализация импликаций эмотивного кода происходит на основании применения композиционных и изобразительно-выразительных средств, репрезентируемых в пейзажных описаниях. Эмотивный код транслируется посредством метафоризации и сравнения. При этом евангельский сюжет, который составляет значимый компонент текста рассказа, создает необходимый фундамент для создания эмотивного фона событийности жизни героя, благодаря чему осознана тесная связь современной ему жизни и далеких времен. Импликатуры эмотивного кода манифестированы в художественном тексте при опоре на предполагаемые фоновые знания читателя, который может сопоставить события Страстной недели, излагаемые Иваном Великопольским, и его эмоциональное состояние, не выражаемое эксплицитно в тексте. Коммуникативно-прагматический эффект, соответствующий авторскому замыслу, реализуется в рассказе за счет чувства сопереживания персонажей евангельским событиям и эмоционального отклика самого героя на реакцию его слушательниц. Собственные чувства героя неизвестны читателю, автор свидетельствует исключительно о его мыслительной деятельности, воспоминаниях и физическом состоянии. Только общение с другим сознанием, эмоциональные реакции, которые он получает в ответ на свой рассказ, пробуждают героя к новому ощущению жизни, что отражено и в импликациях эмотивного кода, трансформирующегося из негативного в позитивный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Е. Д. Окуломоторное исследование восприятия эмоционально окрашенных слов и текстов (на материале вакцинации от COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2025. – № 96. – С. 5–29. – DOI 10.17223/19986645/96/1.
2. Болотнова Н. С. Эмотивные реакции в структуре ассоциативного поля текста: психолингвистический аспект // Эмотивный код языка и его реализация : коллективная монография. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 134–138.
3. Воробьева Е. Ю. Роль когнитивной метафоры в процессе вербализации эмоций (на материале французского языка) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 1. – С. 52–65. – DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-4.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. – 5-е изд., испр. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.
5. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегия понимания связного текста. Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.
6. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры /под ред. В. Е. Гольдина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 245 с.
7. Демидова Т. А., Пак И. Я. Структурно-семантическая трансформация и аксиологический потенциал образных единиц в романе Д. Гранина «Мой лейтенант» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2025. – № 93. – С. 24–47. – DOI 10.17223/19986645/93/2.

8. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте: на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – Саратов, 2010. – 48 с.
9. Заманова И. В. Проблемы семантизации лексики психического состояния в толковых атезаурусах русского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – № 21(2). – С. 446–466. – DOI 10.21638/spbu09.2024.211.
10. Звезинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с.
11. Иванкова К. С. Экспериментальное исследование гендерно обусловленных различий в восприятии русских эмоциональных глаголов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2025. – № 514. – С. 33–45. – DOI 10.17223/15617793/514/4.
12. Ключкова Е. С. Количественная оценка: виды, контексты и прагматические функции в англоязычном научном дискурсе энергетики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – № 21(4). – С. 825–841. – DOI 10.21638/spbu09.2024.404.
13. Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю. Лингвистические средства создания импликации в художественном тексте (на материале рассказов Дж. Макгрегора) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 5(499). – С. 128–137. – DOI 10.47475/1994-2796-2025-499-5-128-137.
14. Милосердова Е. В. Прагматика речевого общения. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. – 122 с.
15. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теорет. грамматики. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 756 с.
16. Пушкарева И. А., Пушкарева Е. Ю. Флористические образы в лирике Т. Николаевой: семантико-стилистический анализ // Сибирский филологический журнал. – 2025. – № 4. – С. 229–241. – DOI 10.17223/18137083/93/17.
17. Сунь Цзялинь, Кукушкина О. В. Описание эмотивной лексики в русских семантических словарях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2025. – № 1. – С. 98–108. – DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-8.
18. Чемодурова З. М. Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 92. – С. 133–158. – DOI 10.17223/19986645/92/7.
19. Чехов А. П. Студент // Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем : в 30-и т. Сочинения : в 18 т. Т. 8. – М. : Наука, 1985. – С. 306–309.
20. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М. : Гнозис, 2008. – 414 с.
21. Barsalou L. W. Perceptual Symbol Systems // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – No. 22. – P. 577–660.
22. Fontanini I. Reading Theories and Some Implications For the Processing of Linear Texts and Hypertexts // Linguagem & Ensino. – 2004. – Vol. 7, No. 2. – P. 165–184.
23. Iaroshenko Polina V., Loukachevitch Natalia V. RusEmoLex: Russian Emotion Lexicon // Russian Journal of Linguistics, 2025. – No. 29(3). – P. 659–687. – DOI 10.22363/2687-0088-44439.
24. Zwaan R. A. The Immersed Experience: Toward an Embodied Theory of Language Comprehension // The Psychology of Language and Motivation (Ed. B. H. Ross). – New York : Academic Press, 2004. – Vol. 44. – P. 34–62.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025

REFERENCES

1. Artemenko E. D. Okulomotornoe issledovanie vospriyatiya emocional'no okrashennykh slov i tekstov (na materiale vaktsinatsii ot COVID-19) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2025. – № 96. – S. 5–29. – DOI 10.17223/19986645/96/1.
2. Bolotnova N. S. Emotivnye reakcii v strukture asociativnogo polya teksta: psiholingvisticheskiy aspekt // Emotivnyy kod yazyka i ego realizatsiya : kollektivnaya monografiya. – Volgograd : Peremena, 2003. – S. 134–138.
3. Vorob'eva E. Yu. Rol' kognitivnoy metafory v processe verbalizatsii emociy (na materiale francuzskogo yazyka) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2025. – № 1. – S. 52–65. – DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-4.
4. Vygotskiy L. S. Myshlenie i rech'. – 5-e izd., ispr. – М. : Labirint, 1999. – 352 с.
5. Dejk T. A. van, Kinch V. Strategiya ponimaniya svyaznogo teksta. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – М. : Progress, 1988. – S. 153–211.
6. Dement'ev V. V. Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry / pod red. V. E. Gol'dina. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. – 245 s.
7. Demidova T. A., Pak I. Ya. Strukturno-semanticheskaya transformatsiya i aksiologicheskij potencial obraznykh edinits v romane D. Granina «Moj lejtenant» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2025. – № 93. – S. 24–47. – DOI 10.17223/19986645/93/2.
8. Ermakova E. V. Implicitnost' v hudozhestvennom tekste: na materiale russkoyazychnoy i angloyazychnoy prozy psihologicheskogo i fantasticheskogo realizma : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. – Saratov, 2010. – 48 s.

9. Zamanova I. V. Problemy semantizacii leksiki psicheskogo sostoyaniya v tolkovykh atezaurusah russkogo yazyka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. – 2024. – № 21(2). – S. 446–466. – DOI 10.21638/spbu09.2024.211.
10. Zvegincev V. A. Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. – 307 s.
11. Ivankova K. S. Eksperimental'noe issledovanie genderno obuslovlennykh razlichij v vospriyatii russkikh emocional'nykh glagolov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2025. – № 514. – S. 33–45. – DOI 10.17223/15617793/514/4.
12. Klochko E. S. Kolichestvennaya ocenka: vidy, konteksty i pragmaticheskie funkicii v anglo-yazychnom nauchnom diskurse energetiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. – 2024. – № 21(4). – S. 825–841. – DOI 10.21638/spbu09.2024.404.
13. Lushnikov G. I., Osadchaya T. Yu. Lingvisticheskie sredstva sozdaniya implikacii v hudozhestvennom tekste (na materiale rasskazov Dzh. Makgregora) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2025. – № 5(499). – S. 128–137. – DOI 10.47475/1994-2796-2025-499-5-128-137.
14. Miloserdova E. V. Pragmatika rechevogo obshcheniya. – Tambov : Izd-vo TGU, 2001. – 122 s.
15. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki : ucheb. posobie k kursam yazykoznaniya, leksikologii i teoret. grammatiki. – SPb. : Nauch. centr problem dialoga, 1996. – 756 s.
16. Pushkareva I. A., Pushkareva E. Yu. Floristicheskie obrazy v lirike T. Nikolaevoy: semantiko-stilisticheskij analiz // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2025. – № 4. – S. 229–241. – DOI 10.17223/18137083/93/17.
17. Sun' Czyalin', Kukushkina O. V. Opisanie emotivnoj leksiki v russkikh semanticheskikh slovaryah // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2025. – № 1. – S. 98–108. – DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-8.
18. Chemodurova Z. M. Mekhanizmy vyrazheniya transkul'turnoj avtorskoj modal'nosti v translingval'noj literature XX–XXI vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2024. – № 92. – S. 133–158. – DOI 10.17223/19986645/92/7.
19. Chekhov A. P. Student // Chekhov A. P. Polnoe sobr. soch. i pisem : v 30-ti t. Sochineniya : v 18 t. T. 8. – M. : Nauka, 1985. – S. 306–309.
20. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya emocij. – M. : Gnozis, 2008. – 414 s.
21. Barsalou L. W. Perceptual Symbol Systems // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – No. 22. – P. 577–660.
22. Fontanini I. Reading Theories and Some Implications For the Processing of Linear Texts and Hypertexts // Linguagem & Ensino. – 2004. – Vol. 7, No. 2. – P. 165–184.
23. Iaroshenko Polina V., Loukachevitch Natalia V. RusEmoLex: Russian Emotion Lexicon // Russian Journal of Linguistics, 2025. – No. 29(3). – P. 659–687. – DOI 10.22363/2687-0088-44439.
24. Zwaan R. A. The Immersed Experience: Toward an Embodied Theory of Language Comprehension // The Psychology of Language and Motivation (Ed. B. H. Ross). – New York : Academic Press, 2004. – Vol. 44. – P. 34–62.

The article was contributed on December 23, 2025

Сведения об авторе

Трубкина Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>, trubkina16@yandex.ru

Author Information

Trubkina, Anna Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory of Language and Russian Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>, trubkina16@yandex.ru